

Пеганкне люди
Марии Метлицкой

Читайте повести и рассказы

Марии Метлицкой

в серии «Негромкие люди»:

.....

Бабье лето

•

Понять, простить

•

Обычная женщина,
обычный мужчина

•

Свои и чужие

•

На круги своя

•

Такова жизнь

Мс Марья
Семинская

Такова жизнь

Москва
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.
М54 Такова жизнь : [сборник] / Мария Метлицкая. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Негромкие люди Марии
Метлицкой. Рассказы разных лет).

ISBN 978-5-04-183100-4

«Такова жизнь». Сколько раз каждый из нас слышал, да и сам повторял эти слова, сетуя на несправедливость судьбы, невозможность что-либо в ней изменить.

Герои рассказов, собранных в этой книге, прекрасно знают, что такое потери, разочарования, предательство. Но знают они и другое: жизнь стоит того, чтобы ценить каждое ее мгновение. Невозможно прожить без трудностей и проблем. Но без дождя не бывает радуги, без осенней грязи не бывает белого чистого снега.

Черная полоса обязательно сменяется белой. Такова жизнь. И ее надо любить такой, какая она есть.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183100-4

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

На всю оставшуюся жизнь...

Квартира ровно напротив — дверь, что называется, в дверь. Она, дверь этой соседней квартиры, имеет вид... До-исторический она имеет вид. Это даже не совковый дермати-тин грязно-бурого цвета, нет. Просто родная деревяшка в царапинах и сколах цвета детской неожиданности, как го-ворят в народе. Да и замок... Чуть ли не навесной, из тех, что на шестисоточных сараях.

Но квартира — трехкомнатная, и я о такой мечтаю. Мы-то живем в однушке, и нас трое: муж, детеныш и я. Нам тес-но, очень. Нет, и эта квартира — огромное счастье, потому что отдельная, без мамок и папок. Мы просто «крезы» по сравнению с нашими несчастными друзьями, проживаю-щими с родителями. Но человеческая натура такова: хочу большего!

Я — не алчная пушкинская старуха, требующая золотую рыбку себе на посылки. И дворец мне не нужен. Мои мечты

ограничиваются обычной малогабаритной трешкой с шестиметровой кухней и отдельной детской.

И еще я хочу второго ребенка. Точнее, этого мы хотим вместе с мужем. А в такой тесноте...

Бабушка твердит, что они рожали и в коммуналках. Свекровь вспоминает барак без воды и с печным отоплением. Кстати, в самом центре Москвы — там, где сейчас гостиница «Белград».

Я парирую:

— А хорошо ли вам там было? Комфортно, дорогие мои?

Тушуются. Причем — сразу. Вздыхают. Вспоминают, видимо, и свекровей своих незабвенных, и соседусшек милых.

Теперь по делу. В той трешке, что строго напротив, проживает один человек — Василий Васильевич Бирюков. Мастер цеха на авиационном заводе. Убежденный холостяк.

Родители его давно упокоились на Хованском, унеся с собой в могилу неизбывную тоску и печаль — Вася, сынок, не пристроен. Так и проживет, неразумный, всю жизнь бо-былем. А сколько сватали! Да и какие девушки перед Васильком млели и глаза опускали!

Вот уж не знаю. Посмотришь на этого Василька... Ну, может, в молодости... Хотя и в это верится с трудом. Нынешний Василь Василич — дядька сорока с лишним лет, угрюмый, неразговорчивый, в сандалиях фирмы «Скороход», коротких брючатах, клетчатой ковбойке и доисторических очках (ретро, конец пятидесятых).

После работы Вась Васич по прозвищу Бирюк торопился домой. В руке авоська — тоже анахронизм, — а в ней кефир в стекле, батон и кусок колбасы в серой бумаге.

Тетки на лавке кивали на Васиного «здрасте» и продолжали свои нескончаемые беседы. Бирюков интереса у них не вызывал. Вообще.

Говорили, что одна вдовушка из третьего подъезда к Васе как-то подъезжала. Крепкая такая, телом не бедная. Вася в ответ на ее призывы, очевидные всем, кроме него, бурчал что-то невразумительное — и пулей проносился прочь.

Еще одна соседка пыталась пристроить Василька к своей племяннице, старой деде из Старого же Оскола. Вася грубо тетку послал.

Кумушки у подъезда вынесли свой беспощадный вердикт: Вася болен. Неизлечимо. По мужской части. Ну и заодно — головой, это и так понятно. И Васю-Бирюка оставили в покое. Он облегченно вздохнул. А зря! На пороге его судьбы уже маячила я, но пока он об этом не знал.

А я заискивающе с ним здоровалась, с улыбочкой такой иезуитской:

— Здравствуйте, Василь Василич! Как драгоценное? Не подводит? Не надо ли вам чего? Мы вот тут на рынок собрались. Можем и вам прихватить. Не затруднит. Для соседа, так сказать. Пирожка с капустой, тортика «Киевского».

Вась Васич шарахался от меня как от прокаженной. Только увидит — сразу в дверь, угрем. Смотрит с опаской: что этой дуре надо?

Правильно, что с опаской. Этой дуре таки надо!

Я строила планы. Ох, как мы, женщины, любим строить планы! Просто замки на песке возводила сказочные. Кухня — мебель деревянная, светлая, теплая. Занавески в красную клетку. Такая же скатерть.

Спальня в зеленых тонах — говорят, успокаивает. Гостиная — тона... Ну пусть будет персик. И детская! Обои с гномами в разноцветных колпачках, стеллажи для книг и игрушек. А на потолке — звезды. Или солнце — еще поймаю.

И я начала капать мужу на голову — в смысле, сходи к Бирюку и поговори. Предложи обмен с доплатой.

— А зачем ему это надо? — удивился муж.

— Что значит зачем? Деньги стали никому не нужны? Отменили их, деньги, что ли? Вот что ему точно не нужно, так это трехкомнатная квартира!

— С чего ты взяла? — опять удивился муж.

— А на фиг? — вопросом на вопрос ответила я.

Идти на переговоры муж отказывался. Аргумент: «Ты же знаешь, я не люблю просить в долг, быть обязанным и вообще — что-нибудь просить!»

Он не любит! А я — обожаю! Особенно деньги в долг. Просто этим мужикам... Все делать, чтобы ничего не делать. Все ясно. Но и меня за просто так не остановишь. И я продолжала ежевечерние выступления. По-хорошему не получалось, что ж, ты мне не оставил выбора, как говорится.

Пошли попреки и укоры. Сравнения. Критика. Слезы. Стенания, мол, семья для тебя — поесть да поспать. Перекантоваться, одним словом. А я тут... Бьюсь как рыба об лед. И кухня эта мне тесна в бедрах. А второй ребенок? Маленькая такая... Доченька! Косички, бантики, заколочки с вишенкой. Платица с оборочками...

— Достала! — зашипел муж и рванул к соседу.

Я прильнула к двери. Слышно ничего не было. Вообще. Вот что такое стальная звуконепроницаемая дверь. Не обманули. А минут через десять я получила стальной и непроницаемой по лбу. Муж вернулся мрачнее тучи. Я поняла — сделка сорвалась.

— Чего? — спросила я.

— Того, — по-хамски ответил муж, что, кстати, ему не свойственно.

— В смысле? — я решила уточнить.

Правильно говорит моя мама: не умею я вовремя остановиться. Не умею.

— В смысле, что ты — того. — Муж опять хамил: покрутил пальцем у виска и пошел спать.

Рухнули мои мечты. Рухнули. Обрушились в одно мгновение, как ветхий дом при землетрясении в восемь баллов. Или — как обвал в горах. Камни и пыль.

Утром я решила обидеться. Надула губы и молча подала завтрак.

Муж мой ссориться не любит и к тому же отходчив. С набитым ртом, прихлебывая кофе, он поделился впечатлениями.

Вась Васич, по его словам, шуганый какой-то, недоверчи-

вый к людям. Сказал — не обсуждается, у него другие планы. Ремонт вот в мае намечает. А дальше — вообще, перемена участи, что называется.

И попросил его больше не беспокоить. Никогда и ни по какому поводу.

— О как! Сильно. А какая там перемена участи? Жениться, что ли, собрался, пень трухлявый? — поинтересовалась я.

— А вот это его личное дело, — осадил меня муж. — Знаешь ли, милая, нельзя так бесцеремонно лезть в чужую жизнь! Ты ведь вроде хорошо воспитана. Неприлично! И вообще, знаешь, какая у него квартира? Дерьмо. Стены масляной краской покрашены. Синего цвета. Лампочка Ильича в коридоре. Вместо коврика у двери — газеты разложены. И пахнет как-то... Кошатиной, что ли. И еще — рыбой вареной. Неблагородных сортов.

Утешил.

Ладно, черт с вами. Переживу. И будет еще у меня квартира, будет! И шторы в клеточку, и звезды на потолке! И зеленая спальня. И у тебя, сыночек мой бедненький, маленький, будет своя комната! С книжками и игрушками, с гномиками в ярких колпачках. Мамочка твоя постареется! Если уж папаша не смог!

В чужую жизнь лезть, видите ли, неприлично! А чтобы твоя родная семья страдала — это прилично?

Ладно, заносит меня иногда, признаю. Успокоюсь вот сейчас и опять буду девочкой из приличной семьи. Возьму себя, так сказать, в руки.

А уж этот Бирюков... Получит он от меня пирожка и тортика! И молочка при простуде! И чесночка при гриппе. Ненавижу.

Теперь, завидя Бирюкова у двери, я отворачивалась. Или цедила «здрате» сквозь зубы.

Вскоре Бирюк зашевелился. Активизировался. Начал подтаскивать ведра и банки с краской, побелкой и лаками. Кисти, валики, обои. Всем стало ясно — Вась Васич готовит-

ся к ремонту. Опаньки! Неужто и вправду старый хрен задумал жениться?

«Старому хрену» было тогда слегка за сорок. Но и мне исполнилось всего-то двадцать пять. Есть оправдание.

Маляров и штукатуров Вась Васич не приглашал. «От жадности, — подумала я. — Жлоб, хмырь, упырь. Вот».

А жлоб, хмырь и упырь мотался челноком, как подорванный. Оживляж был такой, что все обалдели. И еще — улыбка на лице. Во весь щербатый бирюковский рот. И с кумушками у подъезда он раскланивался с усердием, чего раньше не было и в помине.

Все затаились, замерли. Что-то будет дальше...

Прошло три месяца. Бирюк закончил ремонт, и почти перестало вонять побелкой и краской. У входной двери он постелил затейливый коврик с зайцем из «Ну, погоди!».

Советовался с соседкой Ираидой по поводу покупки гардин и светильников. Ираида, работающая в торговле, была для него непререкаемым авторитетом.

От осознания своей значимости и от чувств-с соседка приволокла из отдела «Ткани» рулон гардин, похожий на гаубицу от пушки. Слесарь Витек поздно вечером, соблюдая законы конспирации, важно доставил чешский унитаз, вынесенный с соседней стройки.

И мы поняли: все готово. Вот только что за этим последует, не знал никто. Пока не знал.

Ранним июнем, в субботний теплый и солнечный день, во двор въехало такси, а следом за ним — маленький грузовичок с матерчатым тентом.

С заднего сиденья бойко, совсем как-то по-молодецки, выскочил Вась Васич, распахнул переднюю дверцу.

Из машины очень медленно, с явно видимыми усилиями, не без помощи радостного и дурашливо-счастливого отчего-то Бирюка, вышла, опираясь на палку, немолодая полная дама. Очень немолодая и очень — болезненно —